

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800021452-3

Державин и возвращение победоносного царя

© 2022 г. Иоахим Клейн

Доктор филологических наук,
почетный профессор Лейденского университета, Нидерланды,
Leiden University PO Box 9500 2300 RA Leiden, The Netherlands
j.h.klein6@icloud.com

Резюме. Статья посвящена оде Державина “На сретение победителя Европы Александра I” (1814), рассматриваемой в контексте русской панегирической поэзии XVIII – начала XIX в. Особое внимание уделяется новым аспектам сакрализации монарха в этой оде: Державин прославляет Александра I не только как успешного политика и военачальника, но и как благочестивого христианина, почти как святого, что было крайне необычно для русской поэзии. Далее в статье речь идет об использовании Державиным заимствованного у Ломоносова мотива безграничного пространства Российской империи, а также ставится вопрос об окказиональном характере оды, о ее “месте в жизни” (“Sitz im Leben”), то есть вопрос об обстоятельствах, включая и биографические, в которых это произведение возникло и должно было действовать. Два завершающих экскурса статьи посвящены демонизации Наполеона и идее “истинного” и “ложного” величия властителей в начале XIX в.

Благодарность. Автор благодарит Ирину Паперно за помощь в переводе статьи, а также М.Г. Альтшуллера и анонимного рецензента за критические замечания.

Ключевые слова: Державин, панегирическая поэзия, культ императора, структура панегирического пространства, “место в жизни”, демонизация, человеческое величие.

Для цитирования: Клейн Иоахим. Державин и возвращение победоносного царя // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 5–20. DOI: 10.31857/S160578800021452-3

Derzhavin and the Return of the Victorious Tsar

© 2022 Joachim Klein

Doctor in Philology,
Professor Emeritus at The University of Leiden, The Netherlands,
Leiden University PO Box 9500 2300 RA Leiden, The Netherlands
j.h.klein6@icloud.com

Abstract. This article is about Derzhavin’s ode on Alexander I’s return to Russia after his victory over Napoleon. It aims to shed light on the development of Derzhavin’s panegyric poetry and thereby also on the cult of the Russian emperor. One point deserves special attention: the sacralization of the tsar. I argue that in contrast to the tradition of Russian panegyrics, Derzhavin’s ode represents Alexander not only as a successful ruler and a military hero, but also as a very pious Christian, one could even say: as a saint, which was highly unusual in Russia’s 18th and early 19th century. We shall also see how Derzhavin uses a panegyric motif borrowed from Lomonosov: the infinite space of the Russian fatherland. Finally, the article attempts to situate Derzhavin’s occasional poem in its “place in life” (“Sitz im Leben”), focussing on the specific, including the biographical circumstances under which it was created and in which it was to function. Two concluding digressions will deal with the demonization of Napoleon and the idea of human greatness in the early years of the 19th century.

Acknowledgements. The author thanks Irina Paperno for her help in translating the article, as well as M.G. Altshuller and an anonymous reviewer for critical comments.

Key words: Derzhavin, panegyric poetry, cult of the emperor, structure of panegyric space, “place in life”, demonization, human greatness.

For citation: Klein, Joachim. *Derzhavin i vozvrashcheniye pobedonosnogo tsarya* [Derzhavin and the Return of the Victorious Tsar]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 5–20. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021452-3

*Марку Григорьевичу Альтишлеру,
исследователю Державина*

Вдовствующая императрица Мария Федоровна устроила 27 июля 1814 года в своей резиденции в Павловске роскошный праздник по поводу возвращения своего старшего сына Александра I после победы над Наполеоном¹. Державин сочинил на этот праздник песню “На возвращение императора Александра I” с военным рефреном “Ура! ура! ура!” [5, т. 3, с. 161–162]. Она была положена на музыку придворным капельмейстером Фердинандом Антолини и исполнена оперным тенором Василием Самойловым, вызвав у многочисленных гостей бурю восторга², а впоследствии, по словам Я.К. Грота, “долго пелась во всей России” [5, т. 3, с. 162].

Подготавливалось празднование возвращения Александра и в столице, однако царь этого не хотел. Он, конечно, не мог отказать своей матери, но с петербургским главнокомандующим это было другое дело. Александр еще с дороги запретил всякие столичные празднования своего приезда; пришлось в Петербурге разобрать триумфальные арки и сооружения для иллюминации [1, т. 3, с. 248]. Этот разительный, нарушающий традицию запрет объясняется набожностью императора, которая достигла крайней степени с рокового 1812 года³. Александр испытывал тогда влияние религиозного движения, которое распространилось из Англии и Германии в Россию, где нашло много приверженцев и в самых высоких кругах

общества⁴. Царь придавал особенное значение христианской добродетели смирения: своим запретом он хотел продемонстрировать эту добродетель на собственном примере для всенародного назидания. Такие же соображения побудили Александра и к тому, что он отверг прошение группы государственных деятелей принять почетный титул Благословенного, выбить в его честь медаль и воздвигнуть ему памятник [1, т. 3, с. 246–247].

Смиренный царь считал грешным гордиться победой над Наполеоном: победил не человек, а Божий Промысл⁵. В его рескрипте петербургскому главнокомандующему читаем: “Един Всевышний <является> причиною знаменитых происшествий, довершивших кровопролитную брань в Европе. Перед Ним все должны мы смиряться. — Объявите повсюду Мою неперменную волю, дабы никаких встреч и приемов для Меня не делать” (Северная почта. 1814. 11 июля). Городское празднество было заменено торжественным молебном в Казанском соборе не в честь императора, а в благодарение Богу [1, т. 3, с. 248].

Запрет Александра оказался неприятным сюрпризом для Державина, сочинившего, кроме песни на возвращение царя, еще и оду “На сретение победителя Европы Александра I” [5, т. 3, с. 163–170], которая явно была предназначена для праздника в столице. Это объемное стихотворение состоит из 22 одических строф, написанных очень высоким стилем, с большим количеством церковнославянизмов и затрудненным синтаксисом. Это была “новая поэтическая манера” пожилого

¹ Описание праздника появилось в газете “Северная почта” от 1 августа 1814 г. См. о нем: [1, т. 3, с. 248]; [2, с. 87–89]; [3, с. 253–254]; [4, с. 115–119]. См. также: Из записок А.Г. Хомутовой // Русский архив. 1867. № 7. С. 1060–1066; Столетие военного министерства. 1802–1902. Императорская главная квартира. История государевой свиты. Царствование Александра I. Кн. 2. СПб., 1904. С. 274–275; Курбатов В.Я. Павловск. СПб., 1912. С. 20–25.

² [6, с. 149] (здесь дана ссылка на воспоминания Г.И. Вилламова, секретаря императрицы).

³ Об этом см., например: [1, т. 3, с. 116–117, 322–323]; [7, с. 130–136]; [8, с. 328–332, 385–390].

⁴ См.: [9, с. 128–131], [7, с. 130–136]; [10, с. 143–168], а также: Benz E. Die russische Kirche und das Abendländische Christentum. München, 1966. S. 33–37; Ivanov A.V. A Spiritual Revolution. The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia. Madison, 2020. P. 206–208.

⁵ О “провиденциализме” Александра и его смирении см., например: [3, с. 222–224]; [11, с. 274–277]; о последствиях этой установки для мемориальной политики царя см.: Койтен А.А. Латентность памятника. К осмыслению недовольства исторической политикой Александра I после победы над Наполеоном // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2020. Bd. 76. S. 137–175.

Державина, выражавшаяся, в частности, в намеренно трудном стиле, который требовал особенно внимательного чтения (см.: [12, с. 65–94]). В эпоху наполеоновских войн казалось, что этот архаичный стиль ближе к корням национальной культуры, чем стилистая гладкость Карамзина и его последователей, которая ассоциировалась с языком французского салона.

В первом отдельном издании 1814 года ода имела пышное заглавие: *“Ода на сретение Победителя, Свободителя и Примирителя Великого и Свяще Благословенного Императора Отца отечества Александра Первого 1814 года июля __ дня. С благоговением посвящает Сочинитель”*. Называя царя “Благословенным”, Державин не предвидел, что Александр отвергнет этот титул; пустое место датировки означает, что поэт еще не знал, в какой день император прибудет. Как было принято для таких од, она вышла отдельным, украшенным виньетками изданием, которое обычно “подносилось” адресату (об этом ритуале см.: [13, с. 110]). Однако этот придворный ритуал едва ли состоялся (как не состоялось и само столичное празднество). Думается, Александр даже не читал этого стихотворения. Ведь он после своего приезда повелел, “чтобы никаких похвальных стихов, или музыки в честь его, ни на театре, ни в публичных местах для него делано ни было”; он позволил “воспевать подвиги войск”, но велел “молчать о себе” (письмо А.И. Тургенева к В.А. Жуковскому от 27 августа 1814 г. [14, с. 253]).

Когда Державин и другие авторы писали свои стихотворения на возвращение царя⁶, они еще не могли знать об этом запрете. Мне известен в качестве исключения только М.Е. Лобанов с его “Одой на прибытие императора Александра” (СПб., 1814). Она получила цензурное разрешение 3 августа 1814 года, то есть более двух недель после приезда Александра (13 июля). Значит, автор уже мог знать о запрете царя. Этим объясняется, что он посвятил свое стихотворение не Александру, а его матери Марии Федоровне, в предпоследней же строфе говорит о нелюбви царя к “хвалениям”

⁶ Ф.Ф. Вигель писал в своих “Воспоминаниях”: “Когда же, после взятия Парижа, Александр возвратился в Петербург, тогда вся восхищенная толпа поэтов в честь и хвалу его возвысила свои искренние, не купленные голоса” (далее мемуарист называет Жуковского как автора стихотворного послания “Императору Александру” и мимоходом упоминает Державина). Современная исследовательница пишет об “одической лихорадке”, о “массовом состязании” поэтов, сочинявших оды по данному поводу (к сожалению, без указаний на конкретных авторов) [15, с. 111–112]. О четырех из них см.: [4, с. 111–114].

(что он “не жаждет куримых ему фимиамов”)⁷. Тем не менее, Лобанов мог надеяться на высочайшее одобрение — если не Александра, то его матери.

Что же касается Державина, то его надежда на одобрение со стороны императрицы оказалась тщетной. В отличие от песни на возвращение царя, его ода по тому же поводу не имела успеха ни в церемониальном, ни в литературном отношении. Однако эта ода безусловно заслуживает нашего внимания, поскольку ее разбор может пролить свет на последнюю стадию поэтического поприща Державина, в том числе и его панегирической поэзии. Ода интересна и в связи с историей культа монарха в России. Один пункт имеет при этом особенное значение: это сакрализация царя. Мы увидим, что Державин прославляет Александра I не только как успешного политика и военачальника, как это было принято в панегирической традиции, но и как благочестивого христианина, можно даже сказать: как святого. Далее в предлагаемой статье речь пойдет об использовании Державиным известного патриотического мотива, который он мог найти у Ломоносова, — мотива безграничного пространства Российской империи. Возникает, наконец, и вопрос, который уже задан жанровым характером державинской оды как окказионального стихотворения. Это вопрос о ее “месте в жизни” (“Sitz im Leben”), то есть вопрос об обстоятельствах, включая и биографические, в которых это произведение возникло и должно было действовать. Два завершающих экскурса настоящей статьи посвящены демонизации Наполеона и историческому смыслу “истинного” и “ложного” величия властителей.

Кто первый поэт?

Державин-панегирист хотел не только прославить своего адресата, но и расположить его к себе. Это особенно видно в девятой строфе его оды. Он выступает здесь не как условный субъект торжественной оды, но как реальный Державин, который, обращаясь к царю, может напомнить ему о стихотворении, написанном им в его честь много лет назад (“На рождение в севере порфирородного отрока”, 1779). Намекая на свой пожилой возраст, он здесь также просит свою поседевшую музу “удвоить” похвалы царю. Строфа

⁷ В этом отношении заслуживают интереса воспоминания В.И. Панаева (1858), который рассказывает, что царь отметил свое посещение заседания “Беседы любителей русского слова”, узнав, что там его ожидала длинная похвальная речь. Отвращение Александра I к таким произведениям представляется здесь как общеизвестный факт.

завершается следующими стихами, обращенными к музе поэта:

Тобой воспетый в колыбели —
Днесь болей всех земных владык!

Эта *captatio benevolentiae* была тем более уместна, что личные отношения Державина к царю уже давно испортились, поэтому он потерял свой пост министра юстиции еще в 1803 году. Как консервативный государственный деятель Державин не был согласен с либеральными идеями молодого монарха⁸ и критиковал его в некоторых стихотворениях (см.: [12, с. 67–70]; [17]). Ситуация изменилась только в 1812 году с изгнанием Наполеона. Александр I способствовал этой победе своей стойкостью, так что Державин смог теперь снова восхвалять его без внутренних оговорок, снова отдаваясь своей задаче первого поэта царя и отечества.

Однако теперь, в 1814 году, эта когда-то не спорная позиция Державина могла уже казаться сомнительной. Это видно и по рецепции его монументального “Гимна лироэпического на прогнание французов из отечества” 1812 года (интерпретацию стихотворения см. в [18]). На тему этой войны выступил в том же году и Жуковский: его “Певец во стане русских воинов” сразу прославил его и был успешен также при дворе⁹. Решающей инстанцией был при этом не царь, который тогда пребывал еще на Западе и вообще мало интересовался литературным творчеством своих подданных. Этой инстанцией была его мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Она сделала свою резиденцию центром не только придворного общества, но и русской культуры¹⁰. Императрица была в восторге от стихотворения Жуковского и заботилась о его втором издании¹¹. Понравился ли ей также “Гимн лироэпический”

⁸ См. в автобиографических “Записках” Державина [5, т. 6, с. 721–790], а также: [16, с. 508–559]; [12, с. 65–70].

⁹ См. комментарий А.С. Янушкевича [19, с. 599–600], а также: *Ehrhard M. V.A. Joukovski et le préromantisme russe*. Paris, 1938. P. 131

¹⁰ На эту тему пока нет монографии, см., однако: *Vandal A. La cour de Russie en 1807–1808 // Revue d'histoire diplomatique*. 1890. № 4. P. 401–419 (рапорт французского посланника Савари); *Георгиевский Г.П.* А.Н. Оленин и Н.И. Гнедич. Новые материалы из оленинского архива. СПб., 1914. С. 19–28; *Martin M. Maria Féodorovna en son temps. (1759–1828) // Contribution à l'histoire de la Russie et de l'Europe*. Paris, 2003. P. 199; *Maria Feodorowna als Mittlerin zwischen Württemberg und Russland / Hg.: Annemarie Röder*. Stuttgart, 2004. S. 13–14. См. также: [11, с. 269]; [15, с. 971–957].

¹¹ См. комментарий А.С. Янушкевича к стихотворному посланию Жуковского “Государыне Императрице Марии Федоровне” [19, с. 615–616].

Державина — неизвестно. В целом публика приняла это произведение сдержанно [18, с. 43] или даже с иронией, как молодые поэты Арзамаса (см.: [12, с. 20–23])¹².

Сомнения нет, Державин как автор “Гимна” оказался в тени более молодого соперника — Жуковского. Поэтому можно интерпретировать его оду на возвращение императора 1814 года как попытку сохранить или вернуть себе позицию первого русского поэта. Этот замысел становится очевидным в последней строфе стихотворения. Здесь Державин снова выходит на первый план как автобиографический субъект. Он без ложной скромности поздравляет себя самого не только со своей одой, но и с тем, что он “сердцем вещим, справедливым” предвидел победу Александра, а в самом конце провозглашает с пафосом:

Меня народы не забудут:
Хвалы мои ему ввек будут
Моря и горы повторять. [5, т. 3, с. 169]

Эта претензия поэта на бессмертную и мировую славу хорошо известна из его стихотворения “Памятник” (1795) [4, с. 120–122], однако тогда Державин находился на вершине своей поэтической славы, а в 1814 году ситуация изменилась: теперь ему снова пришлось уступить первое место Жуковскому, чье написанное в том же году стихотворное послание “Императору Александру” тронуло Марию Федоровну до слез¹³ и произвело большое впечатление и вне двора¹⁴. Неизвестно и в этом случае, что думала императрица об оде Державина.

Для другого человека такое повторное поражение, наверное, стало бы поводом усомниться в самом себе, однако не для Державина. Его железная воля к самоутверждению выражается не только в его автобиографических “Записках”¹⁵, но и в его отношении к молодым поэтам (см.: [20]). Однако трудно было игнорировать тот факт, что его поэтическая репутация поколебалась. Тем более

¹² См.: [12, с. 79–81], а также: *Зорин А.Л.* Глагол времен // *Зорин А.Л., Немзер А.С., Зубков Н.Н.* Свой подвиг свершив... М., 1987. С. 20–23; *Проскурин О.А.* Имя в “Арзамасе” // *Лотмановский сборник*. [Сб. 1]. М., 1995. Т. 1. С. 360–363.

¹³ См. письмо 1 января 1815 года Жуковскому, в котором А.И. Тургенев описывает, как он читал это послание императрице [14, с. 279–280, здесь с. 279].

¹⁴ См. комментарий И.А. Поплавской [19, с. 723–724]; интерпретацию стихотворения см.: [11, с. 267–295].

¹⁵ Р. Вортман в предисловии к их репринтному изданию удивляется “державинскому эго, его безграничной уверенности в самом себе” (*Wortman R. Introduction: Gavrila Romanovich Derzhavin and his Zapiski // Zapiski Derzhavina* (1743–1812). Cambridge, 1973. P. 3).

настойчиво утверждает Державин противное: и в оде 1814 года он прославляет не только царя, но и самого себя, борясь за свою позицию главы русского Парнаса.

Державин и императорская семья

Державин-панегирист обращался на старости лет не только к Александру, но также к его семье, а прежде всего к его матери Марии Федоровне, которой посвятил объемные стихотворения “Обитель Добрады” (1808) и “Жилище богини Фригги” (1812). Императрица интересовалась поэзией и любила окружить себя поэтами. Жуковский, Гнедич и Крылов бывали у нее для чтения своих произведений (см. выше сноску 10). Карамзина она ценила не только как историка, но и как автора оды “Освобождение Европы и слава Александра I” (1814): Ю.А. Нелединский-Мелецкий, близкий к императрице поэт, прочитал ей это стихотворение, и она поблагодарила Карамзина милостивым письмом и розой из ее павловского парка [21, с. 117–120].

Державину в 1814 году не досталось подобного признания за его оду “На сретение победителя Европы Александра I”. Однако его песню на возвращение царя та же самая императрица велела положить на музыку [6, с. 149], и вообще она часто приглашала его на придворные празднества и к столу (см.: [22]; [6]; [23]). Однако эти приглашения не носили литературного характера, и Державин бывал в таких случаях лишь одним гостем среди многих (так было, например, 13 января 1814 года в день рождения Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I: на этом празднике стол был накрыт для 67 персон [6, с. 152]). Известно, бывал ли когда-то Державин у императрицы en petit comité, как Жуковский или Карамзин¹⁶. Поэтому думается, что Мария Федоровна ценила его в первую очередь не как поэта, а как бывшего сенатора и министра юстиции, то есть как чиновного члена придворного общества. Блистать как поэт он мог скорее в петербургской “Беседе любителей русского слова”, деятельным членом которой он состоял [12, с. 65–94].

Приглашения Марии Федоровны давали Державину возможность вновь поучаствовать в придворной жизни. Панегирическое стихотворение “Жилище богини Фригги” он сочинил для “альбаума” императрицы [5, т. 3, с. 83]. Ей он

уделяет место и в оде на возвращение Александра 1814 года. В восьмой строфе оды она радуется возвращению сына после долгой разлуки. Упоминание “сирот” относится здесь к благотворительной деятельности императрицы, а слово “полубог” — к Александру:

Но коим светится восторгом
Сирот профироносна мать,
Нас наградивша полубогом,
Того не можно описать!
Зреть сына в славе — сердца сладость!
Ея всем ангельская радость
Видна на взорах и устах.
Цари велики, как зарницы
В понт с неба зря — в нем зря их лица,
С ней не сравняются в лучах. [5, т. 3, с. 165]

Присутствуют в державинской оде и младшие сыновья Марии Федоровны — великие князья Николай Павлович и Михаил Павлович: в третьей строфе поэт вместе с нею радуется их возвращению из Европы (ранее, в феврале 1814 года, Державин написал оду “На отбытие великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича из Петербурга к армии”), однако здесь мы не сразу понимаем, кто имеется в виду, поскольку великие князья не называются по имени. Речь идет только о метафорических “орлах”. Может быть, это русские войска, также вернувшиеся в Россию? Ведь в русской лирике солдаты часто называются “орлами”. Однако речь идет именно о младших братьях царя. Им было тогда 17 и 18 лет, и Александр I уберегал их в Западной Европе от всех сражений [24, с. 43–44]. Державин поэтому не мог хвалить их за храбрость, а только за “твердый дух и нравы”, за которые “Европа” их “чтит” “плеском и хвалами”. Если бы здесь имелись в виду войска, Державин хвалил бы их не за приличное поведение, а за военные подвиги. Войска он приветствовал в другом стихотворении — “На возвращение полков гвардии” (1814).

Поэтика пространства

Как мы уже видели, мотив безграничного пространства Державин в последней строфе оды “На сретение победителя Европы Александра I” (1814) связывает со своими претензиями на бессмертную славу поэта. Однако тот же мотив оказался ему нужен и для восхваления Александра. Кажется, что Державин взял этот мотив у Ломоносова, у которого он встречается многократно, например, в 14-й строфе оды Елизавете Петровне 1747 года на годовщину ее восшествия на престол: “Пространная Твоя держава / О как Тебе благодарит! / Возри на горы превысоки, / Возри в поля Свои широки, / Где Волга, Днепр,

¹⁶ См. описание одного такого вечера в письме Тургенева к Жуковскому от 1 января 1815 года [14, с. 279–280]. Описание подобного вечера можно найти и в одном письме Жуковского от 16 сентября 1815 г. (см.: *Зейдлиц К.К. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского*. СПб., 1883. С. 87–88).

где Обь течет...” [25, с. 202]. У Державина мы находим этот мотив в 6-й строфе: слава Александра наполняет здесь “неизмеримое пространство” тех далеких областей Российской империи, где живут “кавказские” и “таврские орды”. Имеются в виду и кочевые племена. Они живут, как объясняет сам Державин, в “улусах, или кочевых селениях”, которые переносятся “с места на место” [5, т. 3, с. 164]. Кроме широкого пространства повторяется и мотив благодарности. Народы этих далеких областей празднуют победу над Наполеоном; их многочисленные “князья” говорят: “Хвала полнощному Давиду, / Что не дал Галлам нас в обиду!” (Эта библейская метафора относится к количественному превосходству “Grande Armée” Наполеона над русской армией).

В следующей 7-й строфе мы также находим ломоносовский мотив трех рек: “Терек, Урал и Дон”, при этом мотив безграничного пространства здесь повторяется в связи с нерегулярной кавалерией Александра I. “Седые, сухие моря” обозначают бесконечные степи, на которых “бурные полки” казаков “кружатся” “как вихрь” и рассказывают своим детям, “как всяк из них сто Галлов сверг”. Однако в этом новом контексте меняется значение пространственного мотива. Новое значение возникает из противопоставления русской и западноевропейской территории, которая упоминается ниже, в 10-й строфе. Там идет речь о недавней империи Наполеона, которая была также очень пространна, охватывая не только Францию, но также итальянские, немецкие и другие земли.

В той же 10-й строфе мы опять сталкиваемся с тремя реками, но это уже не русские реки, а Эльба, Рейн и Сена; называется и город Париж. Речь идет о том широком пространстве, где русский “меч” одержал победу — тот меч, который Александр еще не вложил обратно “в ножны”. Это намекает на решение царя продолжать войну и после изгнания Наполеона из России¹⁷. Париж упоминается снова в начале 11-й строфы. Но там это уже не место русского триумфа, а предмет нравственного осуждения: Париж называется здесь новым “Вавилоном”; это апокалиптический город, где царствуют безверие, беззаконие и злые “страсти” (город, на который указывает Библия: “пал, пал Вавилон, великая блудница” (Откр 18:2)).

К этому мы еще вернемся. Пока надо ответить на один вопрос, который возникает при чтении

¹⁷ Это решение было тогда спорным (см.: [1, т. 3, с. 128–130]). На эту тему высказался и Державин: 46-я строфа его “Гимна лироэпического” содержит увещание царю ограничиться защитой русской территории [18, с. 48].

6-й и 7-й строф: почему Державин называет в качестве верных и храбрых солдат не регулярные войска, а экзотичные степные народы из-за Урала и жителей Кавказа и Крыма? Ответ на этот вопрос, видимо, связан с влиянием оссиановской поэзии и ее идеалом архаичного героизма¹⁸. Этот идеал воплощается у Державина в восточных и южных народах Российской империи. Речь идет, другими словами, о “благородных дикарях”, которые, в противоположность солдатам Наполеона, служат не узурпатору, а легитимному монарху Александру I.

Безграничному пространству Российской империи противостоит наполеоновская территория с Парижем, этим новым “Вавилоном”. Так в данном случае выражается галлофобия, которая и ранее была заметна в России (см.: [26]; [27]), но достигла крайней степени во время наполеоновских войн. Париж является у Державина “кумиром народов и царей” — центром высокой, но нравственно испорченной культуры. Проявляется национальный ресентимент, возникший из сознания культурной подчиненности, но выражающий и сознание нравственного превосходства¹⁹. Ведь Париж был тем городом, где в 1793 году был казнен Людовик XVI, богоизбранный король Франции (убитому монарху посвятил Державин тогда стихотворение “На панихиду Людовика XVI”). Париж как город цареубийц и как город Наполеона, этого “надменного пришлеца” из Корсики, фигурирует в 11-й строфе оды:

Париж! сын истый Вавилона,
Кумир народов и царей,
Где Бога, веры и закона
Никто не чтит, кроме страстей;
В котором Корс, пришлец надменный,
Мечтав ось обращать вселенны,
Россию ни во что вменял:
Как ураган, вздымал волн холмы;
Как Люцифер, метал в твердь громы;
Но Александр предстал, — он пал! [5, т. 3, с. 166]

Александр I и Наполеон

Наполеон, этот презренный “Корс”, представлен в процитированных стихах как мифическое

¹⁸ Об оссианизме Державина см. комментарий Я.К. Грота к стихотворению “Водопад” [5, т. 1, с. 338–340]. См. также: Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII — первая половина XIX века). Л., 1980. С. 35–38.

¹⁹ В “Гимне лироэпическом” мотив высокой, когда-то соблазнительной французской культуры также сочетается с представлением о ее нравственной низости; здесь тоже Париж уподобляется “Вавилону”: “...Хоть престестей твоих уставы / Давно уж чли венцом мы славы; / Но, не довольствуясь слепить умом, / Ты мнил поправить нас и мечем...” [5, т. 3, с. 110].

чудовище, причем мотив его падения повторяется в оде: в 11-й строфе — в связи с “Люцифером”, а в 19-й строфе — “злым демоном”, который упал “счастья с колесницы”, то есть с колесницы Фортуны, после чего “слух о нем исчез”²⁰. Мотив Фортуны — “счастья”²¹ — относится здесь к случайному, то есть к незаконному характеру царствования Наполеона. Мотив же падения в оде связан с еще одним апокалиптическим мотивом: в 5-й строфе идет речь о “жрущем драконе”, которого Александр I “низверг с похищенного трона” (ср.: Откр 12:9).

Демонизация Наполеона является у Державина не только выражением патриотических чувств, но также способствует — е *contrario* — идеализации Александра I. Уже в 1-й строфе оды поэт призывает весь мир приветствовать вернувшегося царя:

Внемлите, царства! поднимитесь,
О князи врат градских, скорей!
Раздайтесь, стогны, расступитесь,
От гласа радости моей:
Восстань, сретай, о Север бранный!
Се в лавр и пальмы увенчанный
Великий Александр идет,
Не царств вселенной покоритель,
Но их от уз освободитель;
Царь славы, царь сердец грядет! [5, т. 3, с. 162]

Называя царя “Великим Александром”, поэт намекает на Александра Македонского²², однако речь идет здесь не о сходстве, а о противоположности:

²⁰ Фортуна, богиня счастья, появляется здесь с колесницей, а не с традиционным шаром. Стоит еще напомнить, что Державин в 1814 г. радовался слишком рано, поскольку Наполеон вернулся в 1815 году с острова Эльбы, чтобы царствовать еще сто дней; только после поражения под Ватерлоо окончательно упал “с колесницы Фортуны”.

²¹ О значении слова “счастья” у Державина см. в нашей работе «Державин и Фортуна: стихотворение “На Счастье”» [28, с. 169–182, здесь с. 170–171].

²² Мы находим эксплицитный эквивалент этого намека в рукописном варианте второй строфы нашего стихотворения, приведенной Я.К. Гротом [5, т. 3, с. 169]. Строфа построена на двойном значении имени ‘Александр’: с одной стороны, это Александр I, с другой — “Александр великий”, титул которого снижается писанием не с большой, а с маленькой буквы. Однако злодеяния, которые перечисляются здесь, ассоциируются не с Александром Великим, а с Наполеоном, ведь именно он, а не Александр Великий “идет российский вздеть венец”. В обоих злодеях олицетворяется то же самое зло. Данная строфа представляет собой серию риторических вопросов, ответ на которых сводится к риторическому вопросу, кому из двух Александров приписать истинное величие: “Но кто сей вождь? кто царь сей славы, / Прекрасный и младый герой? / Не он ли, что народны правы, / Весь мир поработил войной? / Не Александр ли то великий / Идет российский вздеть венец? — / Так, Александр! Но сей не кровью, / А подданных велик любовью: / Он победитель их сердец”.

ведь в отличие от Александра Македонского его русский одноименник является не “царств вселенной покорителем”, а, напротив, благодетелем, который освободил народы от Наполеона и поэтому заслужил любовь человечества. Александр Македонский у Державина, напротив, представляется как жадный до военной славы враг человечества, которого напрасно называют “великим”. Если из героев мировой истории кто-то действительно похож на него, то это не Александр I, а Наполеон, о котором идет речь ниже, в 11-й строфе. Ведь это он мечтал “ось обращать вселенны”. Наполеон, по Державину, это французский Александр (псевдо)великий.

С противопоставлением доброго и злого властителя мы сталкиваемся и в 17-й строфе. Александр I прославляется здесь как “богоподобный” и “миролюбный” царь, который своей победой подарил людям “дни райские, незлобны”. Наполеон, напротив, является “бичом и царств воителем”, который желал быть “властителем света”. Лирический субъект обращается к нему с обвинением: “Взгляни черепьев на костры: / Вела тебя где слава мнима, / Там дымом твердь донесешь мрачима / И рдеют кровию зари”. “Мнимой славе” Наполеона соответствует мнимое величие, о котором идет речь в следующей 18-й строфе: поэт обращается там к Наполеону с грустно-ироничным вопросом: “Почто же было так трудиться, / Чтоб быть тебе великим мнится?”.

Понятие о ложном и истинном величии, о ложной и истинной славе — это общее место европейского Просвещения, которое распространилось в России благодаря роману Ф. Фенелона “*Les aventures de Télémaque*” (“Приключения Телемака”, 1699), неоднократно в XVIII веке переведившемуся на русский язык. Оно повторяется и в оде Державина в 18-й строфе, где торжественно провозглашаются сентенции о политической мудрости:

Великим злоба не творит,
Сия честь существу благому
И слава, но не духу злому
Бессмертие принадлежит. [5, т. 3, с. 168]

Подобное утверждение встречается и выше, в 12-й строфе, где поэт обращается к “гигантам мира”, имея в виду не мифических повстанцев против Юпитера, а властителей реального мира. Они должны узнать на примере Наполеона, что только “правда” и “вера” могут быть “твердой трона”: “Где блеск меча Наполеона? / Пред солнцем правды он погас” [5, т. 3, с. 166]. Мотив “веры” означает здесь критику Наполеона как

продолжателя Французской революции и ее мнимого атеизма²³.

Полемика против Наполеона кончится в строфе 19 его падением “с колесницы” Фортуны. Потом идет речь об Александре I. Выступая как представитель его благодарных подданных, в 20-й строфе лирический субъект обращается с речью к ним. Употребляя первое лицо множественного числа, он бросает радостный взгляд в будущее. Некоторые из этих стихов можно понимать как политический совет царю; в последнем стихе строфы он восхваляется именно за свое “благочестье”:

Пойдем и сопряжем с любовью
Надежду нашу на того,
Кто сам сожертвовал нам кровью.
Мы все получим от него:
Он храбрости воздаст усердьё,
Явит терпевшим милосердьё,
Невинных узы перервет,
Созиждет дома разоренным,
Даст правосудье притесненным,
Всех благочестьем превзойдет. [5, т. 3, с. 168]

Как видно, здесь сначала идет речь о Христе, который “сам пожертвовал нам кровью”, умерев на кресте, и это несмотря на то, что объект мужского рода фразы “надежду на того” пишется не с большой, а с маленькой буквы. Ведь это явно не Александр, кто “сам сожертвовал нам кровью”. Однако в дальнейшем имеется в виду уже не Христос, а Александр, который вернулся в разоренную войной Россию, где он будет заботиться о восстановлении разрушенных домов. И нет сомнения, что это именно Александр, а не Христос, о котором говорится в последнем стихе данной строфы, что он “всех благочестьем превзойдет”, причем не исчезает ассоциативная связь с Христом-Спасителем, созданная в первых стихах этой строфы.

Такая же двусмысленность заметна и в другом отношении. Некоторые из благодеяний, о которых здесь идет речь, уже не относятся конкретно к послевоенной России, а носят отвлеченный характер. Имеем в виду, например, освобождение “невинных” и “правосудье” для “притесненных”. Можно поэтому сказать: после победы над “злым демоном” в 19-й строфе должно теперь, в 20-й строфе, начаться в России общее, уже не совсем земное блаженство. Это блаженство является результатом будущей деятельности Александра, который в свою очередь предстает

не совсем земным властителем. Все это напоминает место из видения пророка Даниила, где после убийства демонического “зверя” “с облаками небесными шел как бы Сын человеческий” (Дан 7:13): начинается последний этап истории человечества — Царство Божие.

Сакрализация царя

Державин восхваляет Александра как монарха, который царствует “верой” и “правдой”, но также как успешного военачальника. Во 2-й строфе речь идет не только о его “мужестве”, но также о его “твердости”: после взятия Москвы французами, в отчаянной ситуации, Александр, не слушая молений своей семьи и мнений своих советников, отверг всякие переговоры с Наполеоном: следовало воевать, пока последний враг не был изгнан из страны. В 5-й строфе царь предстает триумфальным победителем, причем в фразе “ужасны силы”, которые он “истнил”, просвечивает опять апокалипсис: вся Россия “с поспешностью течет, / Чтоб на героя бросить взоры / Вдали, на блеск его побед: / Как громовержною рукою, / Но больше мудрою главою / Ужасны силы он истнил...” [5, т. 3, с. 164].

Как явствует из первоначального заглавия оды, политическая заслуга Александра состоит в том, что он освободил Европу от Наполеона, чем восстановил общий мир. Такая похвала военных и политических заслуг царя вполне соответствует традиции панегирической поэзии. Однако мы уже знаем, что величие Александра основывается не только на военной и политической, но также — и прежде всего — на религиозной основе, ведь он превосходит всех “благочестьем”. В строфе 13 говорится также, что Александр “отмщает врагам щедротой”. Парадоксальность этой фразы совпадает с требованием Нагорной проповеди: “Любите врагов ваших” (Мф 5:44). Евангельским требованиям соответствует и то, что говорится об Александре во второй строфе: “Се — пленны им благотворятся / Безмездно царства и цари!”. В последующем речь идет о еще одной христианской добродетели Александра. Лирический субъект задает здесь риторический вопрос о том, следует ли “ублажать смиренье” Александра. В ответе на этот вопрос мы узнаем, что царь своим смирением преследовал только одну цель: “Он Богу только в прославление / Творил добро, смирял царств при!” (строфа 2).

“Смиренье” является ключевым понятием не только в державинской оде, но также в сознании Александра I. Как мы уже знаем, он демонстрировал это смирение своим запретом

²³ Об атеизме как полемическом штампе в России XVIII века см.: *Frede V. Atheism in the Russian Enlightenment // Russian Literature*. 2014. Vol. 25. P. 121–161.

петербургского праздника в июле 1814 года. С другой стороны, смирение не помешало ему вступить 19 марта 1814 года в завоеванный Париж верхом на светло-серой лошади рядом с прусским королем Фридрихом Вильгельмом III и союзническими войсками [1, т. 3, с. 211]. Однако это триумфальное событие не упоминается в оде Державина. Вместо этого мы находим в 13-й строфе оды один особенно разительный пример царского смирения.

Дело в том, что Александр устроил в Париже в день православной Пасхи торжественное молебствие, которое имело место на вольном воздухе, на глазах у всего городского населения²⁴. Он этим хотел оказать честь казненному в 1793 году французскому королю Людовику XVI. Площадь, на которой состоялось это молебствие, была прежняя Place de la Révolution, которая называется в наши дни Place de la Concorde. Это то место, где король был гильотинирован. Современная событиям гравюра показывает алтарь, православных священников в литургических ризах и царя, также стоящего на коленях [1, т. 3, с. 289]. Это стояние на коленях, несколько противоречившее православному ритуалу, было не уступкой католицизму побежденной Франции, а еще одной публичной демонстрацией царского смирения.

Говоря об этом молебствии в 13-й строфе, лирический субъект Державина прибегает к настоящему времени; перенос в первых стихах нарушает течение четырехстопного ямба, выражая благочестивое возбуждение говорящего. Он с благоговейными восклицаниями описывает свое экстатическое видение “смирненно” молящегося Александра. Его примеру следуют парижане, так что возникает картина слезливого раскаяния и массового обращения. Перед нами еще одна евангельская парадоксальность — триумф смирения:

Объемлет ум благоговейно
Мой — ужас, радость и восторг;
На стогне молится смиренно,
Зрю, Александр! — и, света бог
Как, взглядом тму он освещает,
Врагам щедротою отмщает
И прах Людовика святит!
Во изумленье, зол столица,
Склоня колена, горды лица,
Ток умиленных слез струит! [5, т. 3, с. 166]

²⁴ См.: [1, т. 3, с. 223]; [3, с. 226]. Ср. также в воспоминаниях современника: “Государь <...> прибыл на площадь, на которой раздалось пение наших церковнослужителей. Государь и все окружавшие его, равно и маршалы, преклонили колена, где за двадцать лет пролита была кровь добродетельного монарха” (*Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары 1814—1815. СПб., 2001. С. 67).

Христианская добродетель Александра обособляет его сакрализацию. Это был распространенный прием панегирической литературы: когда сакрализация царя достигала крайней степени уподобления Богу, она могла вызывать религиозный протест [29, с. 311]. Однако такие реакции не производили впечатления ни на Державина, ни на других авторов, тем более что в случае благочестивого Александра I сакрализация прямо напрашивалась. В 17-й строфе державинской оды речь идет не только о “миролюбном”, но и о “богоподобном” царе, причем не вполне ясно, имеется ли в виду христианский или языческий бог. Однако в 15-й строфе царь называется без обиняков “сыном Божиим”, чем он ставится в один ряд с Христом, и говорится, что Александр “Марией кроткою рожден”, что можно было ассоциировать не только с Марией Федоровной, но и с Богородицей.

В этом отношении интересна и 9-я строфа. Лирический субъект призывает свою посевшую Музу “удвоить” похвалу царю и заставляет ее говорить следующие слова: “Кто Бог наш, как Бог велий!”. Это место восходит к 14 стиху 76 псалма²⁵, ср.: “Боже, во святем путь Твой: кто Бог велий, яко Бог наш? / Ты еси Бог творяй чудеса: сказал еси в людех силу Твою, / избавил еси мышцею Твоею люди Твоя, сыны Иаковли и Иосифовы” (Пс 76:14—16). Державин, как видим, с помощью цитаты из Псалтири отождествляет победу Александра I над Наполеоном с победой Бога над врагами избранного народа. Библейская цитата используется для обожествления царя.

Это заметно и по другому признаку. Державинская Муза называется “Камена”. Самена — это фигура из классической мифологии²⁶. Несмотря на это, слово “Бог” пишется в обоих случаях не с маленькой, а с большой буквы, по-христиански. Поэтому Александр как “Бог наш” приравнивается в первой части этого предложения христианскому Богу. Державин при этом явно не задумывался, как воспримет это место его смиренный адресат: в следующем 1815 году Александр I высказал порицание духовным лицам, которые уподобили его Богу.

Сакрализация монарха носит у Державина не только христианский, но иногда и языческий характер, как, например, в 8-й строфе, где он называется “полубогом”. В 13-й строфе царь предстает и

²⁵ Я обязан этим указанием анонимному рецензенту данной статьи.

²⁶ “Камена” была сначала римским божеством источников, а потом отождествлялась с Музами (см., например: *Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike in fünf Bänden. Bd. 1. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. S. 1028—1029*).

“богом света”, то есть Аполлоном. Это повторяется в первой из двух виньеток, которые украшают первое издание оды (1814): Александр-Аполлон здесь изображен вместе с убитым драконом; он вооружен луком и стрелами и собирается проходить через триумфальную арку (на второй виньетке изображена радуга с надписью в лаконичном стиле римской античности: “Почию на победах”).

Однако в письменном тексте державинской оды превалирует не языческая, а христианская сакрализация царя. Когда он приравнивается Богу или Христу, читатель должен понимать это не дословно, что было бы кощунственной бессмыслицей, а в переносном смысле — как панегирическую метафору [29, с. 287]. Однако если Александр на самом деле и не отождествлялся с Богом, он все-таки считался высшим существом — без всякой метафоричности: он был не Богом, а святым, то есть человеком исключительной набожности, который посвящает всю свою жизнь Богу²⁷. Вспомним фразу в конце второй строфы: “Он Богу только в прославление / Творил добро, смирял царств при!”. Такой же смысл имеет строфа 20, где Александр “всех благочестием превзойдет”: это не Бог, а святой человек. Мы читаем подобное и в позднейшем сонете Державина “На торжество, бывшее в Петербурге 19 марта 1816 года, на память взятия Парижа”. Здесь ангелы удивляются душевной красоте Александра, поскольку он “в благочестии” является “истинным героем” [5, т. 3, с. 176]. Перетолковывается слово “герой”, получая не военное, а нравственное значение.

Христианской сакрализации Александра соответствует распространенная тогда традиция называть его “ангелом” (см.: [3, с. 193–214: “Ангел на престоле”]). Можно найти эту метафору в поэзии²⁸,

²⁷ У князя Сергея Шихматова в “Песни победителю и спасителю царств и победоносному примирителю Европы Александру Первому [...] на возвращение Александра” представление о его святости встречается и в эксплицитном виде: в строфе 21 Бог награждает царя за его стойкую веру: “...се, главу сию священну / Венчает с высоты сам Бог”; далее, в конце оды, читаем: “Живи — и блеском дел великих / Венчая каждый жизни час, / Святися, Бог земный полсвета; / Прострись в потопственныя лета, / Внимай хвалы всемирной глас” (Чтения в Беседе любителей русского слова. Чт. 17. СПб., 1815. С. 317).

²⁸ Кроме стихотворений Державина (в том числе его оды на коронацию Александра “Гимн Кротости”, 1801) можно указать на процитированную выше оду Шихматова, где встречаются выражения “как Ангел Божий леп и благ”, “Ангел мира”, а в строфе 29 люди приходят издалека, чтобы “дивиться Ангелу — Герою”, и на оду Анны Буниной “Песнь Александру Великому, победителю Наполеона и восстановителю царств” (1814), здесь читаем об Александре: “Грядет к вам ангел во плоти!” (см.: Бунина А.П. Неопытная муза. Собрание стихотворений. М., 2016. С. 342–350)].

в мемуарной прозе²⁹ и в разговорном языке эпохи³⁰. Александр нарекался “ангелом” также в царской семье [24, с. 209, 225, 244, 298, 299 и др.].

С точки зрения подданных, эмоциональное значение этой метафоры носит несколько другой характер. Оно возникло сначала по контрасту: Александр I приятно отличался от Павла I, своего вспыльчивого предшественника на троне. На этом контрасте построена ода Державина на восшествие Александра на престол (1801), чем объясняется ее успех у публики³¹. Однако по мере того, как воспоминание о венценосном тиране стало блекнуть, данная метафора стала просто выражением тех мечтательных и нежных чувств, которые испытывали подданные к молодому и красивому монарху. В дневнике С.П. Жихарева читаем под датой 2 декабря 1806 года: “Какая величая наружность, какой красавец, и ко всему этому — какая душа! <...> что за ангельское лицо и пленительная улыбка!”. В державинском “Гимне кротости” произошла даже некоторая феминизация любимого всем императора [28, с. 166–168]. И в тильзитских главах романа Л.Н. Толстого “Война и мир”, как известно, молодой Ростов испытывает почти эротические чувства к Александру.

Однако после победы над Наполеоном значение этой метафоры изменилось, поскольку теперь она была мотивирована всепрощающей добротой Александра по отношению к побежденным французам. Царь казался ангелом теперь прежде всего не из-за своей красоты, а из-за его любви к бывшим врагам.

Метафора ангела приближает Александра в этом последнем понимании к идеалу святости. Он теперь уже является предметом не сентиментальной любви, а набожного благоговения. В панегирической поэзии и вообще в культе русского монарха XVIII — начала XIX века это было новизной. В XVII веке, во времена царя Алексея

²⁹ А.И. Михайловский-Данилевский говорит в своих воспоминаниях об “ангельской душе” Александра, Ф.Ф. Вигель называет Петербург 1814 года “жилищем светозарного ангела”, однако во втором случае нельзя не заметить дезиллюзоризованную тональность этой фразы: автор цитирует ее как отживший свой век штамп, а в другом месте пишет о потере популярности Александра в последнее десятилетие его царствования.

³⁰ См., например, запись в дневнике С.П. Жихарева 12 сентября 1805 г., где автор радуется предстоящему путешествию царя в Москву: “Общие усердные молитвы и благословения сопровождают нашего ангела во плоти, как величает его Москва” (Жихарев С.П. Записки современника: В 2 т. Л.: Искусство, 1989. Т. 1. С. 119); мы нашли эту фразу также в оде А.П. Буниной (см. выше).

³¹ См. нашу работу «Панегирическая поэзия: “Гимн Кротости”» [28, с. 151–168].

Михайловича, представление о святости государя никого бы не удивило (См. об этом: Michael Cherniavsky. *Tsar and People. Studies in Russian Myths*. New Haven and London: Yale University Press, 1961, pp. 5–43). Совсем другое дело в XVIII веке. Правда, ореол святости и теперь окружал царя в силу его богоизбранности. Этой официальной святостью обладала даже Екатерина II, которая в своей частной жизни была очень далека от всякой святости. Что же касается Александра I, представление о его святости относилось не только к его сану, но и к его личному поведению — оно было обосновано благочестием, которое он так любил демонстрировать.

Царь стоял теперь на очень высоком пьедестале — на пьедестале личной близости к Богу. Этому в архитектурном плане позднее будет соответствовать Александровская колонна на Дворцовой площади Петербурга. Она, как известно, была воздвигнута по заказу Николая I в 1834 году в честь его старшего брата, победителя над Наполеоном. Наверху этой очень высокой колонны — 47,5 м — стоит ангел, который, как можно предположить, представляет собой образ самого Александра I.

Подведем итоги. Державин-панегирист был обязан своей первой славой оде “Фелица” 1782 года. С тех пор он прошел далекий путь, поскольку содержание этого раннего стихотворения основывалась не на религии, а на разуме и Просвещении. Дело обстоит подобным образом и с его религиозной поэзией. Его знаменитая ода “Бог” 1784 года была попыткой примирить веру с просвещенным разумом (см.: [30]). Этим она резко отличается от оды “Христос”, которая возникла на тридцать лет позже, в 1814 году³². В этой поздней оде разум уже не призван мириться с верой, а должен, напротив, подчиниться ей, причем вера понимается как детская вера. В строфе 22 оды “Христос” мы читаем: Бог дал человеку “...область в чад Его вчиняться, / Младенцев смыслом умудряться / И разум вере покорять” [5, т. 3, с. 149–150].

Экскурс I: Демонизация Наполеона

Изображение Наполеона как воплощения абсолютного — апокалиптического — зла встречается у Державина не только в оде 1814 года на возвращение царя, но и в его “Гимне лироэпическом”, а также у Жуковского в стихотворном послании

³² М.Г. Альтшуллер [12, с. 83] правильно отмечает большое различие между этими одами. См. также нашу работу «Пожилой Державин: ода “Христос”» [28, с. 225–240].

“Императору Александру”³³, где Наполеон называется “страшилищем”, “чудовищем”, “питомцем ужасов, безвластия и брани” [19, с. 366–378], но ни разу по имени: мистический ужас не дает поэту назвать имя Наполеона. То же самое наблюдается в названной выше оде Шихматова 1815 года (об апокалиптической риторике этого времени см.: [31]; [32]).

Такое отношение к Наполеону было чуждо, например, Карамзину. В его оде на возвращение императора ничего не мешает лирическому субъекту часто высказывать имя Наполеона, который представлен здесь не чудовищем, а человеком, хотя и очень плохим — “извергом”, “тираном” и т.д. Карамзина соединяет с Державиным и Жуковским точка зрения верующего христианина. Однако он не разделяет их религиозный иррационализм. Карамзин говорит в своей оде, что нужно примирить веру с разумом; вера должна быть, как увидим ниже, “подругой алтаря”. Эта концепция противоречит не только религиозной мистике, но и антицерковному рационализму французского Просвещения; вспомним известный лозунг Вольтера “*écrasez l’infâme!*” — “раздавите гадину!”. Можно добавить, что этот разум должен быть не абстрактным, а обоснованным на опыте разумом, причем Карамзин-историк, вероятно, имеет в виду исторический опыт. В своей оде он обращается к соотечественникам со следующими словами (строфический перенос подчеркивает идею примирения):

Так все мы тишину встречаем,
Приветствуем душой, ласкаем
Изгнанницу столь многих лет!
Забудем зло, но рассуждая.
Нас опыт к Мудрости ведет:
Из глубины веков блистая,
Как ясная умов заря,
Сия другиня олтаря
К нам ныне руку простирает... [33, с. 307–308]

Хотелось бы думать, что именно это рациональное отношение Карамзина к религии понравилось Марии Федоровне, когда она слушала чтение его стихотворения в Розовом павильоне; ведь она не сочувствовала мистицизму Александра. Однако тот же самый мистицизм, которым проникнута и ода Державина, не мешал ей быть в восторге от стихотворного послания Жуковского. Дело, пожалуй, просто в том, что вдовствующая императрица любила у обоих поэтов-певцов восторженную похвалу “обожаемого ею могущественного, препрославленного сына своего”

³³ Об апокалиптической риторике этого времени см. [31]; о Державине см. [32].

(как писал Ф.Ф. Вигель). Однако она, насколько известно, молчала об оде Державина, который восхваляет Александра не менее страстно, чем Жуковский и Карамзин. Вполне возможно, что виновна тут “новая манера” Державина, трудный для чтения архаизм его стиля.

Экскурс II: Александр “Великий”

Императрица Екатерина II избрала для своего первого внука имя Александр, имея в виду Александра Невского, героя Ледового побоища и святого покровителя Санкт-Петербурга [1, т. 1, с. 1]. Однако после триумфальной победы над Наполеоном напрашивалось сопоставление Александра I и с другим Александром — с Александром Великим. Расширилась перспектива панегиристов: от национальной к мировой истории.

К.Н. Батюшков в письме П.А. Вяземскому от 10 января 1815 года отмечает мимоходом, что “Государь наш <...> конечно выше Александра Македонского” [34, с. 318], причем он, вероятно, имеет в виду, что Александр I превосходит Александра Великого в военном отношении. Державин, напротив, считает, как мы уже видели, что превосходство Александра I над Александром Великим носит нравственный характер — что он не лучший полководец, а лучший человек. Державин при этом находился под влиянием дурной репутации, которой пользовался Александр Великий в европейском Просвещении, — репутации не героя, а бессовестного захватчика и врага человечества³⁴. В России эта репутация выражается впервые, как кажется, в связи с известным соревнованием Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского по переложению оды Ж.Б. Руссо (“Ode à la Fortune”), где в пятой строфе клеймятся три полководца-захватчика: римлянин Сулла, правитель гуннов Атилла и Александр Великий; с такими же оценками они фигурируют и в переложениях трех русских авторов (см.: [37, с. 254–256]; [38, с. 21–26]).

Однако не все русские поэты разделяли миролюбие Ж.Б. Руссо. Они продолжали считать Александра Великого славным героем в духе Плутарха, его знаменитого биографа. Так, П.И. Голенищев-Кутузов, поэт и (с 1810 г.) куратор Московского университета, рекомендовал добавлять к “священному имени Александра титул Великий”³⁵.

³⁴ Об Александре Великом в XVIII веке см.: [35]; об истории соответствующих понятий: [36, с. 29–49: “Метаморфоза славы”].

³⁵ См. в воспоминаниях М.П. Третьякова о Московском университете (Русская старина. 1892. Т. 75. С. 111–131, здесь с. 130].

Однако из этого ничего не вышло, и в двух собственных одах Голенищева-Кутузова, написанных в честь императора, этот титул отсутствует³⁶. Может быть, он понял, что Александр I счел бы такой титул несовместимым со своим смирением.

Напомним кстати, что в свое время Екатерина II отвергла предложенный ей титул “великой”³⁷. Впрочем, в панегирической поэзии ее часто так и называли, но не в смысле официального титула. И в оде Державина 1814 года на возвращение царя адресат фигурирует как “великий Александр”, а не как “Александр Великий”.

Не так у Анны Буниной. Ода, которую она написала в 1814 году по поводу возвращения императора, имела следующее заглавие: “Песнь Александру Великому, победителю Наполеона и восстановителю царств”. Этот титул повторяется в строфах 11 и 27, однако в последнем случае с неожиданным, уже не военным или политическим, а религиозным значением:

Блажен! — поют небесны лики, —
Блажен, имевый Божий страх,
Ходящий в праведных путях, —
Блажен, — о! Александр Великий!
Он кроток, и смирен душой!
Вкусивый от земных честей,
Гордыни буйной не упился;
Но духом трезв, желаньем чист,
Он вящше пред Творцем смирился,
И заповедь Его хранит!

Как видим, Бунина, подобно Державину, откликается в своем панегирике на благочестивые идеалы самого императора, выдвигая его смирение перед Богом как главный признак его величия.

И Шихматов принадлежит к тем авторам, которые ассоциируют Александра I с Александром Великим, однако и он поступает при этом весьма своеобразно, обращаясь к императору со следующими словами: “О первый АЛЕКСАНДР Великий!” Как видим, “первым” Александром Великим является здесь не македонский, а русский Александр. Прибегая к остроумному каламбуру, автор превращает нейтральное числительное в похвалу.

³⁶ См.: Голенищев-Кутузов П.И. Ода его императорскому величеству Александру Первому. На покорение столицы Франции... М.: Унив. тип., 1814; Он же. Радостная песнь во славу бессмертных подвигов государя Императора Александра Первого. М.: Унив. тип., 1814.

³⁷ См. написанное Державиным по этому поводу небольшое стихотворение 1767 года: “На поднесение депутатами ея Величеству титула Екатерины Великой” [5, т. 3, с. 188].

В качестве “первого Александра Великого” русский император превосходит своего одноименника. Если для Шихматова вообще существует один герой мировой истории, который сравним с Александром, это не Александр Великий, а Петр I: Александр I восторжествовал в Париже над Наполеоном, Петр I под Полтавой над Карлом XII. Остроумие автора проявляется и в этой связи. Когда Александр возвращается в строфе 29 из Парижа в свою столицу, Медный всадник на Сенатской площади оживляется, едет ему навстречу и приветствует его как равного ему предшественника:

Сам Петр — ушедший судьбою
Тебя преемником иметь —
Стремится сретиться с Тобю;
Я вижу — оживилась медь,
По камню конь звенит копытом,
И Всадник зыблется на нем
Сверкая из очей огнем. —
Герой в потомке знаменитом
Объемлет равного себе,
И дел Твоих восторжен слухом
В России ликовствует духом. —
Петр жив! — Он дышит весь в Тебе.

Жуковский в своем послании также называет Александра “великим”, только с той разницей, что Александр Македонский тут ни при чем. В первых двух стихах он обращается к адресату со следующими словами: “Когда летящие отсюда шумны клики, / В один сливаясь глас, Тебя зовут: Великий!”. Однако в дальнейшем оказывается, что это величие имеет здесь не традиционное, то есть военное или политическое, а религиозное значение. Ведь дело тут не в триумфальной победе Александра, а в человеколюбии, которое он проявил к побежденным французам. Это подчеркивается с помощью резкого контраста. Над завоеванным Парижем парит грозный “орел Москвы и мщенья”, однако вместо ожидаемых ужасов выступает теперь лирический субъект с пафосным объявлением: “Тогда, внезапного исполнен изумленья, / Узрел величие невиданное свет”. Это “невиданное величие” состоит в том, что Александр вступает в Париж не грозным завоевателем, а смиренным другом человечества, так что страх парижан оказывается беспредметным, превращаясь в благодарную радость:

О Русская земля! спасителем грядет
Твой Царь к низринувшим Царей Твоих столицу;
Он распростер на них пощады багряницу;
И мирно, славу скрыв, без блеска, без громов,
По стогнам радостным ряды Его полков
Идут — и тишина вослед им прилетает...
Хвала! хвала, наш Царь! стыдливо отклоняет
Рука Твоя побед торжественный венец!

Вопрос о человеческом величии занимает наконец не только Жуковского, но и Карамзина в его оде “Освобождение Европы и слава Александра I”. Александр Македонский отсутствует и здесь. Исполненный радостным восторгом, здесь поэт задает риторический вопрос, который нам в принципе уже известен из оды Шихматова (какого человека мировой истории можно называть великим): “Кому гремят вселенной лики: / Без лести, в искренних хвалах / Дают название Великий?”. У Карамзина это, конечно, Александр I. Что именно писатель имел при этом в виду, ясно из строфы 38, где речь идет об истинной славе, истинном величии. И здесь оказывается, что величие и слава Александра основаны не на военных или политических, а на религиозных основаниях:

Вещайте, летописи Славы!
Каких веков, какой державы
Монарх столь блага совершил?
Ищу... Закройтесь, нет примера!
К величию подвигнут был
Он вами, Добродетель, Вера!
На Бога твердо уповал
И выше всех героев стал.

Как мы уже знаем, представления русских авторов об истинном величии и истинной славе восходили к роману Фенелона и оде Ж.Б. Руссо, где военная слава отвергается во имя миролюбия. Во второй половине XVIII века истинная слава обосновывалась благотворительностью или культурой³⁸. О последнем типе славы речь идет, например, в “Письмах русского путешественника” Карамзина, где ложной славе завоевателей противопоставляется не только истинная слава миролюбивого прусского короля Фридриха Вильгельма I³⁹, но и знаменитого тогда швейцарского поэта, автора идиллий Саломона Гесснера⁴⁰.

На этом фоне выделяется новизна написанных в 1814 году панегирических стихотворений Державина, Жуковского, Буниной и Карамзина. “Истинное величие” и “истинная слава” обоснованы здесь уже не профанным, как раньше, а религиозным образом — имеются в виду христианские добродетели смирения, любви к ближнему и веры

³⁸ См. об этом в нашей работе: “Похвала властителю: панегирическая поэзия и русский абсолютизм” [28, с. 265–302].

³⁹ Карамзин не учитывает, что Фридрих Вильгельм I был известен как “солдатский король”, который, правда, мало воевал, но зато создал прусскую армию, которой потом так успешно пользовался его сын Фридрих II (“Великий”).

⁴⁰ См. об этом в нашей работе: «Дерзкий “Monsieur K*”: о “Письмах русского путешественника” Карамзина» [28, с.55–78, здесь с. 72–73].

в Божий Промысл. После просвещенной эпохи Екатерины II царствует теперь дух официальной религии, главным представителем которого становится “великий” Александр I.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 1–4. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1897–1898.
2. *Massie S. Pavlovsk. The Life of a Russian Palace.* Boston; Toronto; London: Little, Brown and Company, 1990. XX, 394 p.
3. *Wortman R.S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy.* Princeton / NJ: Princeton University Press, 1995. Bd. 1.
4. *Holtz B. Der “Retter Europas” und sein ruhmreicher Empfang in Russland im Jahr 1814 // Herrscherlob und Herrscherkritik in den slawischen Literaturen. Festschrift für Ulrike Jekutsch zum 60. Geburtstag.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. S. 109–125.
5. *Державин Г.Р.* Сочинения / С объяснительными примеч. Я.К. Грота. 2-е академическое издание. Т. 1–7. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868–1878.
6. *Морозова Н.П.* 1814-й год в жизни Державина // Державинские чтения. Сб. 10. СПб.: Дорн, 2015. С. 144–183.
7. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. 3-е изд. Paris: YMCA-Press, 1983.
8. *Rey M.-P. Alexandre Ier.* Paris: Flammarion, 2009. 593 p.
9. *Пытин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. X, 483 с.
10. *Martin, Alexander M. Romantics, Reformers, Reactionaries. Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I.* Dekalb / IL: Northern Illinois University Press, 1997. 304 p.
11. *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: НЛО, 2001. 416 с.
12. *Альтишуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М.: НЛО, 2007. 444 с.
13. *Клейн И.* Русская литература в XVIII веке. М.: Индрик, 2010. 440 с.
14. *Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1802–1829 / Hrsg. von Holger Siegel.* Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2012.
15. *Майофис М.Л.* Воззрение к Европе: литературное общество “Арзамас” и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: НЛО, 2008. 800 с.
16. *Грот Я.К.* [1883]. Жизнь Державина. М.: Алгоритм, 1997. 685 с.
17. *Клейн И.* Державин и Тильзитский мир // XVIII век. Сб. 31. СПб., 2022 (в печати).
18. *Коровин В.Л.* Державин и 1812 год: о смысле и композиции “Гимна лироэпического на прогнание французов из отечества” // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 6. С. 42–52.
19. *Жуковский В.А.* Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. Т. 1: Стихотворения 1797–1814 годов. М.: Языки русской культуры, 1999. 760 с.
20. *Коровин В.Л.* Как старик Державин лиру передавал: о “младых певцах” и “юном царе” в “Гимне лироэпическом” // Новгородский державинский сборник (к 200-летию со дня смерти поэта). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. С. 84–87.
21. *Погодин М.П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: [В 2 т.]. М.: Тип. А.И. Мамонтова. 1866. Т. 1. 398 с.
22. *Морозова Н.П.* 1813-й год в жизни Державина // Державинские чтения. Т. 9. СПб.: Дорн, 2014. С. 110–143.
23. *Морозова Н.П.* 1815-й год в жизни Державина // Державинские чтения. Т. 11. СПб.: Дорн, 2016. С. 72–105.
24. *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. М.: Алгоритм, 1997. Т. 1.
25. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. сочинений: [В 11 т.]. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 1280 с.
26. *Kotchetkova N. Karamzin entre gallomanes et gallophobes // Nikolaï Karamzin en France. L'image de la France dans les “Lettres d'un voyageur russe”.* Paris: Institut d'études slaves, 2014. P. 207–218.
27. *Klein J. Karamzin, un Européen russe en France // Nikolaï Karamzin en France. L'image de la France dans les “Lettres d'un voyageur russe”.* Paris: Institut d'études slaves, 2014. P. 202–206.
28. *Клейн И.* При Екатерине. Труды по русской литературе XVIII века. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. 462 с.
29. *Успенский Б.А., Живов В.М.* Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б.А. Избр. труды: [В 2 т.]. Изд. 2-е, испр. и перераб. М.: Школа “Языки русской культуры”. 1996. Т. 1. С. 205–337.
30. *Клейн И.* Религия и Просвещение: Ода Державина “Бог” // Клейн И. Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 489–497.
31. *Гаспаров Б.М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. Wien: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 1992.

32. Ларкович Д.В. Миф о Наполеоне-антихристе в поэтической рецепции Державина // “И вечной памятью двенадцатого года...”: Материалы Всерос. науч. конференции, посв. 200-летию Отечественной войны 1812 года. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2013. С. 43–54.
33. Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. М.; Л.: Сов. писатель, 1966.
34. Батюшков К.Н. Сочинения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1989.
35. Briant, Pierre. Alexandre: “Héros” des Lumières // Héroïsme et Lumières. Paris: Éditions Champion, 2010. P. 105–115.
36. Bonnet, Jean-Claude. Naissance du Panthéon. Essay sur le culte des grands hommes. Paris: Fayard, 1998. 414 p.
37. Гуковский Г.А. К вопросу о русском классицизме: (Состязания и переводы) [1928] // Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 251–276.
38. Основам К.А. Государственная словесность: Ломоносов, Сумароков и литературная политика И.И. Шувалова в конце 1750-х гг. // Европа в России: Сб. статей. М.: НЛЮ, 2010. С. 6–65.
9. Pypin, A.N. *Religioznye dvizheniya pri Alexandre I* [Religious Movements under Alexander I]. Petrograd, 1916. X, 483 p. (In Russ.)
10. Martin, Alexander M. *Romantics, Reformers, Reactionaries. Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I*. Northern Illinois University Press, 1997. 304 p.
11. Zorin, A.L. *Kormya dvuglavogo orla...* [Feeding the Double-Headed Eagle... Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Century]. Moscow, 2001. 416 p. (In Russ.)
12. Altshuller, M.G. *Beseda lyubitelej russkogo slova...* [Conversation of Lovers of the Russian Word. At the Origins of Russian Slavophilism]. Moscow, 2007. 444 p. (In Russ.)
13. Klein, J. *Russkaya literatura v XVIII veke* [Russian Literature in the 18th Century]. Moscow, 2010. 440 p. (In Russ.)
14. Siegel, Holger (Hg.). *Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1802–1829*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 2012. (In Germ., in Russ.)
15. Mayofis, M.L. *Vozzvaniye k Yevrope...* [View of Europe: The Literary Society “Arzamas” and the Russian Modernization Project of 1815–1818]. Moscow, 2008. 800 p. (In Russ.)
16. Grot, Ya.K. *Zhizn Derzhavina* [Derzhavin’s Life]. Moscow, 1997. 685 p. (In Russ.)
17. Klein, J. *Derzhavin i Tilzitskij mir* [Derzhavin and the Tilsit Peace Treaty]. *XVIII vek* [The 18th Century]. Collection 31. St. Petersburg, 2022 (in print). (In Russ.)
18. Korovin, V.L. *Derzhavin i 1812 god: o smysle o kompozitsii “Gimna lyroepicheskogo na prognaniye frantsuzov iz otechestva”* [Derzhavin and Year 1812: The Imagery and Composition of “A Hymn, Lyric-and-Epic, on Making the French Retreat From <Our> Fatherland”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2012, Vol. 71, No. 6, pp. 42–52. (In Russ.)
19. Zhukovsky, V.A. *Polnoye sobraniye sochinenij i pisem v 20 t.* [Complete Works and Letters in 20 Vols.]. Vol. 1: Poems of 1797–1814. Moscow, 1999. 760 p. (In Russ.)
20. Korovin, V.L. *Kak starik Derzhavin liru peredaval (o “mladykh pevtsakh” i “yunom tsare” v “Gimne lyroepicheskom”)* [As Derzhavin Passed the Lyre: (about “Youthful Singers” and “Young King” in “The Anthem Lyroepics”)]. *Novgorodskiy Derzhavinskij sbornik* [Novgorod Derzhavinsky Collection (to the 200th Anniversary of the Poet’s Death)]. Velikiy Novgorod, 2016, pp. 84–97. (In Russ.)

REFERENCES

1. Shilder, N.K. *Imperator Alexandr Pervyj, jego zhizn i tsarsrvovaniye* [Emperor Alexander the First, His Life and Reign]. St. Petersburg, 1897–1898, Vol. 1–4. (In Russ.)
2. Massie, Suzanne. *Pavlovsk. The Life of a Russian Palace*. Boston, Toronto, London, 1990. XX, 394 p.
3. Wortman, Richard S. *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Princeton University Press. 1995. Bd. 1.
4. Holtz, Britta. Der “Retter Europas” und sein ruhmreicher Empfang in Russland im Jahr 1814. In: *Herrscherlob und Herrscher-kritik in den slawischen Literaturen. Festschrift für Ulrike Jekutsch zum 60. Geburtstag*. Wiesbaden, 2013, S. 109–125. (In Germ.)
5. Derzhavin, G.R. *Sochineniya* [Works with Explanatory Notes by Ya.K. Groth. 2nd Academic Edition]. Vol. 1–7. 1868–1878. (In Russ.)
6. Morozova, N.P. *1814-j god v zhizni Derzhavina* [The 1814th Year in Derzhavin’s Life]. *Derzhavinskiye chteniya* [Derzhavin Readings]. Coll. 10. St. Petersburg, 2015, pp. 144–183. (In Russ.)
7. Florovsky, G. *Puti russkogo bogosloviya* [The Ways of Russian Theology]. 3rd Ed. Paris, 1983. (In Russ.)
8. Rey, Marie-Pierre. *Alexandre Ier*. Paris, 2009. 593 p. (In French)

21. Pogodin, M.P. *Nikolai Mikhailovich Karamzin po yego sochineniyam, pismam i otzyvam sovremennikov* [Nikolai Mikhailovich Karamzin According to His Writings, Letters and Reviews of Contemporaries]. Moscow, 1866, Vol. 1. (In Russ.)
22. Morozova, N.P. *1813-j god v zhizni Derzhavina* [The 1813th year in Derzhavin's Life]. *Derzhavinskiye chteniya* [Derzhavin Readings]. Coll. 9. St. Petersburg, 2014, pp. 110–143. (In Russ.)
23. Morozova, N.P. *1815-j god v zhizni Derzhavina* [The 1815th year in Derzhavin's Life]. *Derzhavinskiye chteniya* [Derzhavin Readings]. Coll. 11. St. Petersburg, Dorn Publ., 2016, pp. 72–105 (In Russ.)
24. Shilder, N.K. *Imperator Nikolaj Pervyj, jeho zhizn i tsarsrvovaniye* [Emperor Nicolas the First, His Life and Reign]. Moscow, 1997, Vol. 1. (In Russ.)
25. Lomonosov, M.V. *Polnoye sobraniye sochinenij v 11 t. T. 8* [Complete Works in 11 Vols. Vol. 8]. Moscow, Leningrad, 1959. 1280 p. (In Russ.)
26. Kotchetkova, N. Karamzin entre gallomanes et gallophobes. *Nikolai Karamzin en France. L'image de la France dans les "Lettres d'un voyageur russe"*. Paris, 2014, pp. 207–218. (In French)
27. Klein, J. Karamzin, un Européen russe en France *Nikolai Karamzin en France. L'image de la France dans les "Lettres d'un voyageur russe"*. Paris, 2014, pp. 202–206. (In French).
28. Klein, J. *Pri Yekaterine. Trudy po russkoj literature XVIII veka* [Under Catherine. Works on Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, 2021. 462 p. (In Russ.)
29. Uspensky B.A., Zhivov V.M. *Tsar' i Bog* [The Tsar and God (Semiotic Aspects of the Sacralisation of the Monarch in Russia)]. Uspensky, B.A. *Izbrannye trudy v 2 t.* [Selected Works in 2 Vols.]. 2nd ed., Reworked. Moscow, 1996, Vol. 1, pp. 205–337. (In Russ.)
30. Klein, J. *Religiya i Prosvescheniye: Oda Derzhavina "Bog"* [Religion and Enlightenment: Derzhavin's Ode "God"]. Klein, J. *Puti kulturnogo importa...* [Ways of Cultural Import. Works on Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, 2005. pp. 489–497. (In Russ.)
31. Gasparov, B.M. *Poeticheskij yazyk Pushkina kak fakt russkogo literaturnogo yazyka* [Pushkin's Poetic Language as a Fact of the History of the Russian Literary Language]. Wien, 1992. (In Russ.)
32. Larkovich, D.V. *Myth o Napoleone-antikhriste v poeticheskoy retsepsii Derzhavina* [The Myth of Napoleon the Antichrist in the Poetic Reception of Derzhavin]. *"I vechnij pamatyu dvenaditsatogo goda..."* ["And the Eternal Memory of the Twelfth Year...": Materials of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 200th Anniversary of the Patriotic War of 1812]. Yekaterinburg, 2013, pp. 43–54. (In Russ.)
33. Karamzin, N.M. *Polnoye sobraniye stikhotvirinij* [Complete Verses]. Moscow, Leningrad, 1966. (In Russ.)
34. Batyushkov, K.N. *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 Vols]. Moscow. 1989 (In Russ.)
35. Briant, Pierre. Alexandre: "Héros" des Lumières. In: *Héroïsme et Lumières*. Paris, 2010, pp. 105–115. (In French)
36. Bonnet, Jean-Claude. Naissance du Panthéon. Essay sur le culte des grands hommes. Paris, 1998. (In French)
37. Gukovsky, G.A. *K voprosu o russkom klassicizme (sostyazaniya i perevody)* [Russian Classicism Revisited (Competitions and Translations)]. Gukovsky, G.A. *Rannie raboty po istorii russkoj poezii XVIII veka* [Early Works on the History of Russian Poetry of the 18th Century]. Moscow, 2001, pp. 251–276. (In Russ.)
38. Ospovat, K.A. *Gosudarstvennaya slovesnost: Lomonosov, Sumarokov i literatutnaya politika I.I. Shuvalova v kontse 1750-kh gg.* [State Literature: Lomonosov, Sumarokov and I.I. Shuvalov's Literary Policy at the End of the 1750s]. *Yevropa v Russii* [Europe in Russia: Collection of Articles]. Moscow, 2010, pp. 6–65. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 21 марта 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 мая 2022 г.

Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.

Дата публикации: 31 августа 2022 г.

Received by Editor on March 21, 2022

Revised on May 20, 2022

Accepted on June 29, 2022

Date of publication: August 31, 2022